

Эльберд ТУГАНОВ

Эльберд Лаиктемирович Туганов родился 7 августа 1937 года в городе Омск.

В 1960 году закончил Ивановский педагогический институт.

По специальности - историк. Преподавал музыку и историю в поселке Гыда Ямало-Ненецкого автономного округа России, за 71-й параллелью.

В 1966 году в связи с резко ухудшившимся зрением переехал в г.Баку (Азербайджан). С 1971 по 2011 год проработал хористом в Азербайджанском театре оперы и балета, закончив Бакинское музыкальное училище имени Асафа Зейналлы по классу вокала.

Начиная с 1961 года публиковался в периодической печати, в сборниках общества "Содружество" (Азербайджан). Издал книгу стихов "Паруса судьбы".

С 2021 года - член Союза писателей Азербайджана.

Какая гениальность в афоризме!
Всего три слова: Пушкин - папе в с"е!
"Энциклопедия всей русской жизни",
Паноптикум, музеум, то да се...

"Здесь правда жизни до корней раскрыта"
Знак века - просвещенности печать.
Герой его - столичный волокита,
Героям лорда Байрона под стать.

Предмет полных отроческих бдений
Над строфами бессмертного письма,
Любимый образ школьных сочинений -
Властительница сердца и ума,

Та девочка, что важной дамой стала,
Романтику сменив на естество...
За царским фаворитом-генералом
Что ждет ее, почетное вдовство?

Но воплощем чистоты и света,
Пророчеством в трагической судьбе
Явился образ юноши-поэта,
Который он всю жизнь носил в себе.

Что нового сказать на этот случай
О гении, чтоб не понасть вопрос?
Наследием его кормились тучи
Ученых и талантливых писак,

Что из поэта делали героя -
Самсона, сокрушителя основ
И жертву монархического строя
За вольный пафос юношеских строф.

ПРЕЛЮДИЯ К БЕССМЕРТИЮ

Старания их были неустанны,
Как дух эпохи требовал того, -
Бомбисты, разрушители - "титаны", -
Все шли на "дело" с именем его.

А зрелый Пушкин, с мнением прохладным
О революциях, российский бунт
Считал "бессмысленным и беспощадным",
И звать-я ему - безумие и абсурд.

Не знали те наивные злодеи,
В какую бездну катится страна,
И на обломках взорванной "Помпеи"
Нашиптуют кровью монстров имена.

Но нам, идущим XXI веком,
Страхнувшим со скрижалей пль веков,
Пора понять, что был он человеком,
И чем он жил, и в жизни был каков.

В учебниках пора писать об этом:
Он не был заговорщик-лиходеи,
Но будучи блистательным поэтом,
Был страшно одинок среди людей.

ГЛАВА 1

*"...Я памятник себе создал чудесный вечный...!
металлов тверже он и выше пирамид".*

Г.Р.Державин

Под благородным царскосельским кровом
Его живой, неукротимый ум
Блестяще был взращен и сформирован -
Державин был его властитель дум.

Он бурно развивался, не по летам,
всех изумлял классическим стихом,
Владел отлично шпагой, пистолетом,
Прекрасно плавал и скакал верхом.

Французским, как родным, владел с детства,
Имел в лице прозвище Француз,
Зубрежки не терпя и буквочества,
Избавлен от скучнейшей из обуз,

Был ироничен и самоуверен,
Любого словом мог околдовать,
Мал ростом, вальяжный и высокомерен...
Дуэль воспел как божию благодать.

Одной улыбкой, ради милой дамы
Беспечно рисковал порою он,
Озвучивая злые эпиграммы
на высокопоставленных персон.

Мог воспылать к замужней светской даме,
Но не терпел казарменных острот...
Был либерал. Но называл "жидами"
Гонимый богом избранный народ.

Ненадно насмеялся над попами,
Не знал ни покаянья, ни поста,
И огорчал безбожными строфами
"Гавриилиады" Господа Христа.

Он мог бы стать героем-декабристом,
Борпом с "твердыней власти роковой",
Но с зайцем повстречался в поле чистом
И слава Богу, потрусил домой.

Где при дороге преклонились травы,
Увекочен скульптора рукой,
Стоит русак - спаситель русской славы,
Как символ благодарности людской.

К народу относился как боярин.
Владел и крепостными, верь не верь.

Писал, что он ленив, жесток, коварен
И величал недобрым словом "чернь".

Балет любил до умопомрачения,
У "Яра" в Стрельные посещал пытан,
Он обожал их чувственное пение
И буйных плясок шумный балаган.

Шампанское, бургундское как воду
Вкушал, о нищей черни не скорбя,
Да, он любил и воспевал свободу,
Но прежде, чем для "черни", - для себя.

Ему как с в е т нужна была свобода,
Когда писал: "Не все ли мне равно,
Зависеть от пары, зависеть от народа",
Он был невъездным уже давно.

Но русским "бабим летом" зачаровал,
Уже не в первый раз, напев свой фрак.
Посватался к Наталье Гончаровой,
И получил согласие на брак.

А Болдинская синь была бездонна,
И он, в мечтах о юной Натали,
Назван ее своей "косой Мадонной",
Лишь с ней делил все помыслы свои.

Для вольнодумца поступая странно,
Решил придворным стихотворцем стать,
И не задаром воспевать тирана...
Зазря питу врать - какая стать?

Не продается чудо вдохновения,
Но и поэту надо есть и пить.
Он должен со старанием и рвением
Семьи благополучие хранить.

"Бонтон" в столице стоил уйму денег,
И он трудился в прозе и стихах,
Был царь и бог в журнале "Современник",
На нем держался "Русский альманах".

И служба при дворе была нетяжкой,
Пока он был любим своей женой,
И "Триаксу с Машкой, Сашкой и Наталькой",
Дурачась, рифмовал строкой одной.

Ей будет чем пред миром оправдаться,
Той, что рожала Пушкину детей,
Но не сдержала страсти к бальным танцам
И любвишества к светской суете,
Где можно флиртовать и волочиться,
Любя, как дегустируя вино,
Но то, что лишь наименьшим
светским львицам
Доступно, то другим запрещено.

Им скукой или ревностью томиться.
В толпе чужих участия не знать,
Где павлиньих шуговские лица,
Да чопорно злословиящая знать.

Есть у поэтов умозаключение:
"Нет в женщине скучнее и пошлей
Терпения и самоотречения..."
Он был уверен в Натали своей!

ГЛАВА 2

*"Он красивых женщин любил любовью не чуждой
И даже убит он был красивым мужчиной".*

Б.Окуджава

Январская пурга над Петербургом
Крутила снеговую капитель,
А он забывает женой, оставлен другом
И на душе его мела метель.

Его друзья его не понимали -
Ни Дельвиг, ни Давыдас, ни Карамзин...
И ревности клинок булатной стали
Уже поэта в сердце поразил.

Когда-то черноокая "улинка" -
Цыганка предсказала при душе
Ему врага - высокого блондина,
Сидящего на белом скакуне.

И вот сбылось: высокий, белокурый
Корнет кавалергардского полка
Вальсирует, выписывая туры,
Обнявши Натали, в руке рука.

В нем ревность поднималась ураганом;
Спокойней, Пушкин, легче, холодней,
Не дай заметить гнусным интриганам
Византиной страшной бледности своей.

Ты слышишь шепот: "Это несомненно,
Он в ревности смешон, невыносим..."
Как царя, двор оперился мгновенно
→ Ату его, потешимся над ним!..

Он был распят у подлости во власти,
О, как страдал высокий, светлый ум!..
Какие в нем безумствовали страсти,
Как африканский бешеный самум.

Итак дуэль. На сумрачной опушке
Стреляет, насмерть раненый, поэт -
"Какой прекрасный выстрел,
браво Пушкин!"

Подброшен вверх счастливый пистолет.
И будто бы поведело весною
И смывает души позор недавних дней...
Честь спасена, но вот какой ценою?!

Плачь, Натали! Россия вместе с ней!..
Пути Господни неисповедимы
И, пулей в грудь сраженный наповал,
Дантес встает живой и невредимый.

А Пушкин был уверен, что попал.
Толь под мушкетеру ему броню надели,
Толь заговор, то ли судьбы рука...
А что произошло на самом деле -
Загадка для потомков навека...

В санях трясло и стала боль ужасной,
И он, слабей, говорил врачу:
- "Скажи мне, друг, ранение опасно?..
Скажи всю правду,
жить я не хочу..."

От Черной речки думал всю дорогу, -
Все про Нее, сквозь боль и забытью...
Злодеем стать не смог он, слава Богу,
Ведь он был Гений. Пушкин "папе все"!

ГЛАВА 3

*"Умереть - тоже надо уметь,
На свидание к небесам паруса выбирая тугие,
Хорошо если сам....
Хуже - если помогут другие"*

Б.Окуджава

Он умирал в когтях жестокой муки.
Судьба его была уж решена.
Кусал до крови собственные руки,
Чтоб стонов не услышала жена.
Священникам полдня пришлось стараться,
Чтоб наконец его уговорить
Покаяться в грехах, собороваться
И душу со Всевышним примирить.
В агонии, совсем уже не слыша,
Кругом друзей и близких голоса,
Все повторял одно лишь:

"Выше..." -

Как бы из боли рвался в небеса.
Прищорный чин лишь умножал заты -
Паряды, драгоценности, "бонтон".
Хозяином он не был тароватым,
Одни долги семье оставил он.
Посмертную с него снимая маску,
Художник слез никак не мог унять,
Жуковский в горе, осознав развязку,
Все будто что-то силенка понять.
На Мойке возле пушкинской квартиры
Толпился опечаленный народ,
Военные, чиновничьи мушкетеры,
Кушцы, студентки и случайный сброд,
Какой-то меценат из посторонних
Спросил мальчишку из трактира там:
- "Скажи, любезный, да кого ж хоронят?..."
- "Так Пушкина, что главный по стихам..."
От дома до церковного порога
Друзья несли поэта на руках,
И многие, стремясь коснуться гроба,
С благоговеньем провожали прах.
Герой Данзас, при шпаше, в эполетах,
За гробом шел, рыдая как дитя,
Хоть твердо знал, за пощущение это
Наказан кругом будет дни спустя.
Толпа росла почти в столпотворение,
Уже жандармы чуяли улов
И доносили в Третье отделение
О пагубном брожении умов.
И вот, во избежание волнений,
Едва столица погрузилась в сон,
Согласно высочайших повелений,
Был гроб изъят и тайно увезен.
В простых савях, на сене, под рогожей,
В сопровождении трех жандармских дун,
Он тихой, лунной почкою погожей
Мчал в Святогорскую родную глушь.
Ну что же, Пушкин, будь он жив, позорным
Не посчитал бы скромный тот "эскорт",
Ведь он весь век был

царским поднадзорным...

Блеснул бы может парочкой острот...
Но он в своей дубовой колыбели
Молчит, пока труба не протрубит.
Он в этот мир пришел для высшей цели,
Но миром был отринут и убит.
Здравствуй ты, златорный высшим светом,
Он, защищая честь своей жены,
Он знал, что став к барьеру с пистолетом,
Спасает честь и совесть всей Страны!
Он стал твоею славой, Россия,
Самосознанием, знаменем твоим,
Твой мученик за правду, твой Мессия -
В каких пустынях ты блуждала с ним?!
В Европе, на Гавайях и в Китае
Твое потомство обрело свой дом.
И африканец с гордостью считает
Его своим великим земляком.
А нынче в школах и библиотеках
Ты каждому понятен и знаком,
Врачуешь мир уже почти два века
Кристалльно чистым русским языком!